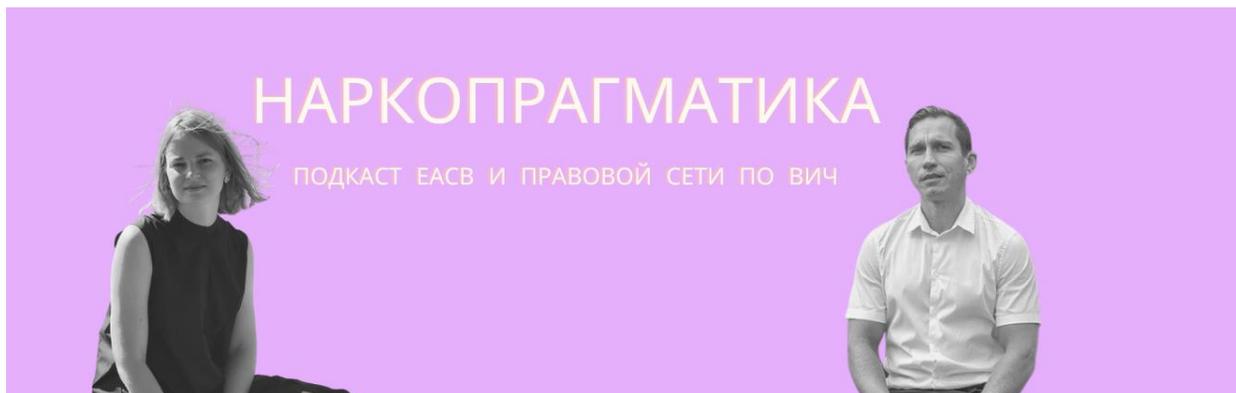

Вред наркотиков: научные данные или политическая позиция?

Разговор о наркотиках у большинства людей вызывает настороженность, неприятие и даже страх. Насколько этот страх рационален и научно обоснован? От чего умирает больше людей - от героина или от алкоголя? Что опаснее - ездить верхом, кататься на горных лыжах или употреблять экстази? Почему в течение многих лет были запрещены научные исследования с использованием целого списка психоактивных веществ в медицинских целях?

«В 1950-ые годы британский ученый Хамфри Осмонд писал про ЛСД и его пользу при лечении от алкогольной зависимости. В России в 1997 году Евгений Крупицкий писал о кетамине для лечения от алкогольной и героиновой зависимости. Сейчас много говорят о пользе лекарств на основе каннабиса для лечения эпилепсии и других заболеваний. При этом пересмотр таблицы запрещенных веществ не проводился с принятия [Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года](#). Только в 2019 году Всемирная организация здравоохранения пересмотрела позицию в отношении каннабиса и рекомендовала перенести его в другой список, который позволяет проводить исследования и упрощает применение каннабиса в медицинских целях, – говорит правозащитница Маша Плотно.

Конвенции – это правовые документы, международные договоры. В их основе лежит договорённость государств, которая достигается в очень политизированном процессе. В 1961 году представители государств-членов ООН обсуждали конвенцию, чтобы принять ее в том виде, который устроил бы все страны. Политический орган в рамках ООН, который отвечает за политику в отношении наркотиков, это Комиссия по наркотическим средствам, которая состоит из представителей 56 государств. Решения в ней принимаются консенсусом. Как говорит адвокат Михаил Голиченко, часто споры идут за каждое слово и запятую. В результате такого процесса документы (конвенции) в большей степени ориентированы на политические ожидания и представления государств-участников.

По словам адвоката, для того чтобы смягчить негативный эффект политизированного процесса, за включение новых веществ или переклассификацию тех веществ, которые уже находятся в списке (перенос из списка в список) отвечает экспертный орган – Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Казалось бы, что это могло бы дать необходимый баланс. Но проблема в том, что ВОЗ тоже во многом зависит от позиции государств,

которые участвуют в работе и финансировании ВОЗ. Даже если ВОЗ будет иметь научные данные в отношении того или иного вещества, будет учитываться позиция государств, участвующих в работе организации. Поэтому переклассифицировать то или иное вещество, внести новое вещество, а особенно исключить вещество из списков очень не просто.

«Британский профессор Дэвид Натт, в то время занимавший должность председателя Совета по наркополитике (Advisory Council on the Misuse of Drugs) Великобритании, в 2007 году опубликовал статью в журнале *Lancet* и знаменитую таблицу, где сравнил вред различных официально запрещенных веществ, использование которых было ограничено конвенциями, и привычного нам алкоголя, табака. Согласно данным этой таблицы, алкоголь по уровню вреда находится наравне с героином и крэком, а например ЛСД или экстази безопаснее, чем табак. Также, в одном из своих публичных выступлений, профессор Натт сказал, что экстази безопаснее, чем езда на лошади. После этого он был уволен со своей позиции и стал заниматься независимыми исследованиями. Он пересёк красную линию, и его высказывание перестало быть наукой, а стало политическим», – привела пример Маша Плотко.

«Дэвид Натт провёл своё исследование и опубликовал статью, как раз в тот момент, когда в Британии принималось решение – ужесточать ли ответственность за экстази или нет. И профессор Натт попытался очень просто объяснить свою позицию. Его сняли с поста председателя Совета по наркополитике Великобритании именно по политическим мотивам, не смотря на научную обоснованность его тезисов и сравнений. Это хороший пример того, что в политической плоскости очень часто решения не основываются на науке, а опираются на более древнюю традицию, где баланс находится в плоскости *мы лучше знаем*,» – объясняет Михаил Голиченко.

Общественность положительно относится к разным видам экстремального спорта – горные лыжи, скалолазание, не смотря на их рискованность. Но вместо запрета людей информируют о том, как можно снизить риск или негативные последствия от занятий этими видами спорта. Существует целая индустрия, выпускающая шлемы, специальные защитные устройства и защитную одежду, специально распространяется информация, инструктора проводят тренинги по безопасности. Всё сделано так, чтобы снизить вред от возможных последствий.

«Решение о запрете того или иного психоактивного вещества принимают политики, но берут ли они во внимание научные данные, позицию медицинских экспертов, сводки правоохранительных органов? Кто всё-таки и как должен принимать решения насчёт разных психоактивных веществ? Почему эта тема настолько политизирована, и существует такой огромный разрыв между наукой, фактами, объективной информацией и тем, как это отражается на реальности, на законах?» – отчасти риторически спрашивает Маша Плотко.

«Политическая ответственность для людей, принимающих решения по вопросам о наркотиках, довольно серьёзная. Особенно, если эти люди начинают предлагать альтернативные методы. В Канаде легализовали марихуану в 2018 году и каннабис стал доступен для рекреационного употребления. Но это, возможно, будет стоить либеральной партии следующих выборов,» – рассказывает Михаил, хорошо зная ситуацию по работе Правовой сети по ВИЧ в Канаде.

Процесс принятия решений государством по конкретному веществу должен быть открытым, а предшествовать такому процессу должна общественная дискуссия, проведение исследований.

Сфера наркотиков, их регулирование, связь между доказательствами, наукой и существующими системами контроля – очень чувствительная, даже болезненная тема. Также как и научные исследования в этой сфере.

«Для того чтобы получить возможность делать научные исследования, нужно преодолеть большие препятствия. Продвигаемая государством стигма, что наркотики — это всегда плохо, и возможен только запрет, формирует своеобразное отношение в глазах людей. Такой учёный будет выглядеть довольно причудливым либерализатором, и его меньше будут уважать. С одной стороны - большое количество препятствий, с другой стороны – риск не самой лучшей репутации среди коллег в Университете. Ко всему раньше сказанному ещё вряд ли кто даст финансирование на такого рода исследование. Так наука оказывается на заднем плане, а на передний выходит политизированное, продвинутое государством стигматизированное отношение к наркотикам», – заключает адвокат Михаил Голиченко.

Более детально дискуссию можно послушать во втором эпизоде подкаста НАРКОПРАГ-МАТИКА, подготовленного Евразийской ассоциацией снижения вреда и Правовой сетью по ВИЧ: [Эпизод 2. *Вред наркотиков: научные данные или политическая позиция?*](#)